

Швец А.Б. КРЫМСКИЙ ВЕКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ

Развитие постсоветских государств происходит на стыке двух тенденций: с одной стороны, происходит большая территориальная дифференциация материальных и иных условий жизни населения, а с другой, - растет осознанно негативное отношение населения различных регионов к самому факту возникновения и воспроизводства территориального неравенства. В территориальной системе постсоветских государств возникает напряженное взаимодействие между новыми функциями, которые выполняют регионы и региональными (территориальными) интересами.

Под функциями постсоветских регионов следует понимать их положение в существующей иерархии территориальных объектов. К примеру, ведущие в экономической системе советской Украины индустриальные регионы Донбасса и Приднепровья превратились сегодня из бюджетных доноров в финансовых реципиентов. Естественно, что такая метаморфоза затрагивает региональные интересы и Донбасса, и Приднепровья. Под региональными интересами понимаются некоторые собственные представления региональных сообществ (основанные на реальных потребностях) о наиболее предпочтительных для них состояниях и способах достижения таких состояний [6]. Несовпадение функций, которые можно рассматривать как интересы своеобразного «центра», диктующего их регионам, а также интересов одного иерархического уровня территориальных систем между собой, создают предпосылки для возникновения региональных конфликтов.

Различные культуры рождают неповторимые варианты территориальной конфликтности. По мнению философа А. С. Ахиезера, любой конфликт – это проявление дезорганизации общества [4]. Западная культура решает дезорганизующие общество проблемы посредством разработки такой программы, которая увеличивает потенциал выживаемости общества. Иными словами, западное общество разработало такую систему компромиссов для конфликтующих сторон, которая позволяет преобразовать дезорганизацию. Советское государство чаще формировало не преобразовательную, а адаптационную программу сокращения социальной дезорганизации. Чтобы адаптировать общество к хаосу социальной конфликтности, в советском государстве применялось насилие, так называемый «красный террор», ставший инструментом сохранения культурного ядра государства. Советский вариант программы выживаемости общества в условиях дезорганизации оказался в некотором роде мифичным. В советском обществе мифичными оказались культурные интеграторы, к примеру, такой, как «единый советский народ». Но эта мифологема была необходима для удержания в состоянии равновесия и равной зависимости от «центра» этнически пестрой территории Советского Союза.

Дезорганизованность постсоветского общества лишена явных форм насилия. Однако неявные формы насилия сохраняются и в этом типе социума на разных иерархических уровнях. Наиболее распространена неявная форма зависимости отдельного человека от непредсказуемого поведения власти. Сегодня, к примеру, физические лица облагаются одной налоговой ставкой, а через месяц она изменяется без особых объяснений. В лучшем случае объяснение связывается государственными чиновниками с абстрактной мифологемой государственных интересов. Бюрократическое насилие постсоветского общества поддерживается очень своеобразной информационной политикой государства. Эта политика создает так называемый «информационный шум», в котором события в стране освещаются очень хаотично, а сама общественная система напоминает мозаику, в которой формируются то православные, то протестантские ценности.

В постсоветском обществе социальная конфликтность приобретает различные формы. Наиболее обобщенно постсоветскую конфликтность можно представить как пространственную и сущностную.

Пространственные конфликты как правило возникают по линии «центр-периферия» на страновом, региональном или локальном уровнях. Сущностные конфликты подразделяются на субъектные (конфликты с собственным Я), межличностные и корпоративные (этнические, экологические, владельческие и др.).

В зависимости от логики разрешения конфликтов их можно подразделить на консенсусные (согласительные), т.е. протекающие на таком культурном основании, которое предполагает возможность конструктивного преодоления противоречий у конфликтующих сторон. Иной разновидностью конфликтов являются раскольные. Раскол предполагает максимальное дистанцирование конфликтующих сторон, непримиримость их позиций, разрушительность для общества последствий такого конфликта [4]. Раскол до сих пор составляет специфическое содержание постсоветских конфликтов.

Если последствия конфликта затрагивают все общественные группы в стране, вне зависимости от их цивилизационной ориентации на Запад или Восток, то подобного рода конфликты можно отнести к социокультурным. Социокультурная конфликтность – это своеобразная реакция общества на критическое состояние дезорганизации. Логика разрешения социокультурных конфликтов зависит от специфики народной культуры в стране, ее представлений о ценности человеческой жизни, Добра и Зла, взаимоотношений с властью, сформированных страновыми традициями.

Следовательно, социокультурная конфликтность есть проекция общественной традиции формирования нравственных императивов. В этом смысле социокультурная конфликтность является инвариантом общественных процессов. Она построена на основе дуального характера этих процессов. Ведь любые общественные процессы создаются под влиянием бесконечной борьбы Добра и Зла, Справедливости и Не-

справедливости – этих естественных противоположностей социума. Религия мифологизирует процесс борьбы доброго и злого начал, превращает его в предмет веры, а не рационального осмысления. Недаром в богословской практике канонизируется жизне святых и великомучеников, т.е. прославляется процесс движения, развития их индивидуальных судеб. Атеистичная традиция мифологизирует не процесс, а результат борьбы доброго и злого начал, победу «света» разума над «тьмою» догматов Церкви. Для атеизма верующий человек ущербен, он результирует абсолютную победу Зла, а неверующий сохраняет ореол рационального постигаемого Добра.

Среди различных аспектов социокультурной конфликтности наименее разработан пространственный, позволяющий изучить анатомию конфликта в пределах конкретных территориальных образований: страны или региона. Социокультурная конфликтность – остается в основном уделом философов, политологов и социологов. Географы занимаются феноменом социокультурной конфликтности избирательно, чаще всего выясняются основные причины возникновения конфликтных ситуаций в различных общественных сферах: экономике, экологии, территориальном управлении, конфессиональной и этнической средах [1, 2, 3]. А между тем, возможности пространственно-географического подхода могут отразить феномен социокультурной конфликтности интегративно, в совокупности причин и следствий.

Пространственный взгляд на социокультурную конфликтность можно представить как процесс создания сценария или программы выживаемости общества или конкретного региона.

Географическая программа выживаемости региона, как элемента пространственно-территориальной иерархии, строится на основе выявленных в регионе связок дуальной оппозиции. Связки дуальной оппозиции – это линии оформившегося в регионе противостояния между объектами или субъектами управления. Понятие «управление» берется в данном контексте широко – как способ овладения всеми ресурсами территории со стороны властных или научно-исследовательских структур.

Для выявления пространства социокультурной конфликтности имеет смысл рассматривать дуальные оппозиции в трех общественных сферах конкретного региона: властной, духовной и деятельностной. В сфере власти, на наш взгляд, стержневыми являются дуальные оппозиции по линиям: «центр-периферия», церковь-государство и др. Сфера духа может исследоваться по линии дуальной оппозиции: религиозность-атеизм; этничность-национализм; духовность-рационализм и др. Конечно, это неполный перечень связок дуальной оппозиции в регионе, но их расширение совпадает с глубиной познания социокультурной конфликтности.

Программу выживаемости для Крыма следует строить таким образом, чтобы ее отправными точками стали, во-первых, представления об уникальности всех общественных процессов на территории полуострова по сравнению с материковой Украиной, а, во-вторых, представления о латентной конфликтности большинства общественных процессов в Крыму. «Ныне, как неоднократно в историческом прошлом, Крым оказался в центре сложной системы политических противоречий, решение которых для постороннего наблюдателя как бы и невозможно без острого конфликта между заинтересованными сторонами», - отмечал крымский географ С. Н. Киселев, сформулировавший основные постулаты крымской уникальности [5, с.42].

Латентность социокультурной конфликтности в Крыму подвергается постоянному испытанию украинским центром по трем линиям: правовой, экономической и культурной.

Смысл правового давления украинского центра на крымскую периферию заключается в ограничении политического статуса автономности Крыма, сужения компетенции его властей и расширения возможностей для прямого вмешательства центра в управление регионом. Так, например, в состав Крымской автономии входит территория Севастопольского горсовета, имеющая статус подчинения непосредственно Киеву.

Экономическая конфликтность провоцируется в Крыму неурегулированностью бюджетных взаимоотношений между украинским центром и автономией, болезненной неуправляемостью вопросами крымской собственности. Нерешенность бюджетно-собственнического статуса Крыма в Украине стала одним из факторов криминализации ведущих отраслей экономики полуострова. В конце 2001 года начальник управления Госкомиссии по ценным бумагам и фондовому рынку по АРК и Севастополю В. Тихончук констатировал, что «через рекреационную систему автономии проходит около 7 млрд. грн., а поступления в бюджеты (регионов Крыма – примеч. автора) не превышают 50 млн. грн.» [7]. Большинство крымских здравниц юридически зарегистрировано вне территории автономии, в результате чего Крым практически ничего не получает от их деятельности. Кроме того, основная масса предприятий санаторно-курортной сферы не платит за пользование землей.

Давление украинского центра в сфере культуры ощущается в Крыму нерешенностью языковой проблемы, которая вызывает наиболее сильное напряжение в полиэтническом регионе. Неофициально в Крыму трехязычие, но все чаще достоянием общественности становятся факты появления различных документов центральных властей, предписывающих организовать перевод делопроизводства в различных ведомствах Крыма на украинский язык, хотя для полуострова это язык этнического меньшинства.

Помимо латентной конфликтности между украинским центром и Крымом, которую можно квалифицировать как конфликтность консенсусную, т.е. имеющую перспективу согласительного разрешения, в Крыму имеются линии потенциально раскольную конфликтности. К этой категории социокультурной конфликтности можно отнести конфессиональную несовместимость населения Крыма. Крымская автономия – это регион соседства христианства и мусульманского мира. Сегодня латентный характер конфесси-

ональной несовместимости в Крыму проявляется по-разному: от пренебрежительного отношения к местам религиозного поклонения православных христиан (известный факт уничтожения в 2000-2001 гг. крымско-татарским населением поклонных крестов в восточных районах Крыма) до экстремистских настроений отдельных крымско-татарских лидеров, культивирующих в народе чувства национального «превосходства и особенности». Эти действия провоцируют мусульманское население Крыма легко организовываться для перекрытия железнодорожных и автомагистралей, захватывать здания райгосадминистрации и совершать другие противоправные действия.

В Крыму к 2001 году, по словам председателя Совета Министров АРК В. Горбатова, сформировалось около 500 поселков компактного проживания крымско-татарских граждан, причем, 60% этих поселков до сих пор не обеспечены водоснабжением, а 12% - электроэнергией [8]. Ясно, что экономическая составляющая поддержания конфессиональной несовместимости в Крыму еще долго будет сохранять актуальность на полуострове. Ее подпитывает также проблема раздела, а, вернее, нового передела крымской земли с учетом возвращающихся на полуостров крымских татар. По новейшему Земельному кодексу Украины «недораспаеванная» крымская земля может уже быть товаром, т.е. в Украине можно продавать то, что еще не поделили. Ясно, что такой подход к наделению землей крымских татар – это мина замедленного действия для любой власти – региональной или центральной.

Таким образом, создание стратегии или программы выживания любого региона Украины должно опираться на два постулата: учет региональной уникальности и скрытой социокультурной конфликтности того сообщества, которое исторически сформировалось в регионе. К феномену социокультурной конфликтности следует относиться как инвариантному свойству любого общества и не пытаться исследовать его в оценочных категориях. Социокультурная конфликтность практически всегда имеет пространственный аспект. Его можно обнаружить, исследуя линии дуальных оппозиций. Для географов особенный интерес представляет дуальная оппозиция региональных функций и интересов. Эту оппозицию, как правило, провоцируют отношения между Центром и периферией государства. Крым является модельным для Украины регионом, у которого взаимоотношения с центром носят не только консенсусный, но и раскольный характер. Эту особенность следует учитывать при разработке программы выживания крымского регионального сообщества.

Источники и литература

1. Бабурин В. Л., Мазуров Ю. Л. Географические основы управления. - М.: Дело, 2000. - 259 с.
2. Гладкий И. Ю., Гладкий Ю. Н. Географические подходы к исследованию этнических кризисов // Известия Русского географического общества. - 1995. - Т. 127. Вып. 1. - С. 28-33.
3. Дергачев В. А. Евразийские рубежи войны и мира. - Одесса: Судходство, 1996. - С. 10-20.
4. Ахиезер А. С. Социокультурная патология в России и Европе // Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. - М.: Изд-во МГУ, 2000. - С. 159-279.
5. Киселев С. Н. Пять постулатов крымского регионализма // Остров Крым. - 1999. - №3. - С. 42-43.
6. Котляков В. М., Трофимов А. М., Селиверстов Ю. П., Хузеев Р. Г., Комарова В. Н. Центр и периферия: проблема территориальной справедливости (вопросы методологии) // Известия РАН. Сер. геогр. 1998, №1. - С. 36-43.
7. Л. Кучма о рекреации Крыма. - «Таврические ведомости», 2 ноября 2001г., № 39.
8. Экономическая ситуация остается сложной. - «Таврические ведомости», 2 ноября 2001г., № 39.

Александра Борисовна Швец.

Доцент кафедры экономической и социальной географии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, кандидат географических наук.

Конт. тел.: 23-03-54 - рабочий

48-43-77 - домашний

Аннотация

В статье анализируются проблемы теоретического изучения феномена социокультурной конфликтности на примере взаимоотношений центра и периферии в Крымском регионе. Эти исследования основаны на идеях территориальной справедливости и компромиссов.

Annotation

Theoretical problems of the phenomenon social-cultural conflicts and of center and periphery interrelations on example of Crimean region on base of ideas of territorial equality and compromise analyzed in the article.